

© 1992 г. УЛЬРИХ М.

ОБ ИМИТАЦИИ РЕЧИ
Bread-and-butter, bread-and-butter

Я не верю в предметы, я верю
только в их отношения.

Ж. Брак. Афоризмы

0.1. В знаменитой книге Л. Кэррола "Алиса в зазеркалье" есть следующее место (гл. 5 "Wool and water"): «The White Queen only looked at her in a helpless, frightened sort of way, and kept repeating something in a whisper to herself that sounded like "Bread-and-butter, bread-and-butter", and Alice felt that if there was to be any conversation at all, she must manage it herself»¹.

В имеющихся переводах это место выглядит следующим образом: (нем.) Die Weiße Königin aber sah sie bloß hilflos und verängstigt an und gab dabei ein ständiges Gemurmel von sich, das so ähnlich klang wie "Buttersemmel, Buttersemmel", so daß Alice sich sagen mußte, wenn überhaupt so etwas wie eine Unterhaltung zustande kommen sollte, müsse sie wohl selbst den Anfang machen"; (франц.) "La Reine Blanche ne fit rien que la regarder d'un air désemparé et apeuré, tout en répétant à voix basse quelque chose qui pouvait être: "Tartine de beurre, tartine de beurre", et Alice comprit que s'il devait y avoir une conversation entre la Reine et elle, il lui faudrait en faire seule les frais"; (итал.) "La Regina Bianca si limitò a darle un'occhiata fra l'indifeso e lo spaventato, mentre continuava a ripetere fra sé in un bisbiglio qualcosa que suonava così: "pane-e-burro, pane-e-burro", e Alice capì che se conversazione di qualunque genere ci doveva essere, era lei che la doveva favorire"; (исп.) "La Reina blanca parecia no poder responderle más que con una extraña expresión, como si se sintiera asustada y desamparada y repitiendo en voz baja algo que sonaba así como "pan y mantequilla, pan y mantequilla...", de forma que Alicia decidió que si no empezaba ella a decir algo no lograría nunca entablar conversación".

Общим для всех этих переводов является то, что все они передают интересующие нас слова *Bread-and-butter*, опираясь на то, что они обозначают в исходном языке, т.е. "хлеб и масло". Разумеется, франц. *tartine de beurre*, исп. *pan y mantequilla*, итал. *pane-e-burro* и т.д. являются верными соответствиями (в том, что касается внеязыковой референции); нет сомнения в том, что существуют такие контексты, в которых англ. *bread and butter* может и должно быть переведено именно подобным образом (например, в меню); наше же сомнение

¹ В русском переводе:

"Белая Королева только взглянула на нее испуганно и растерянно и тихонько что-то пробормотала. Похоже было, что она тверлит:

— Бутерброд! Бутерброд!

Впрочем, разобрать слова было невозможно. Одно было ясно: если ей хочется побеседовать с Королевой, начинать придется самой" (пер. Н.М. Демуровой).

касается того, соответствуют ли эти переводы особой, специфической текстовой функции, которой наделены эти слова в оригинале.

0.2. Какова же эта текстовая функция? Мы полагаем, что в оригинале речь идет о функции "имитация бормотания", английские же слова *bread-and-butter*, *bread-and-butter* представляют собой лишь инструмент, языковое средство выполнения этой функции. Исходя из этого предположения, задача переводчика должна заключаться не в том, чтобы определить, как могут быть переведены слова *bread-and-butter* как чисто английское выражение на испанский, французский или другие языки, а в том, чтобы опознать, какую функцию выполняют эти слова в тексте. Если и в самом деле речь идет об имитации бормотания, то переводчик должен задаться вопросом, имеется ли в языке, на который осуществляется перевод, традиция имитации неразборчивой речи, бормотания, и если да, то следует — при условии, если контекст допускает это, — воспользоваться этой "формулой" как функциональным эквивалентом; если же нет, то задача переводчика заключается в том, чтобы "воссоздать" эту функцию средствами языка перевода.

1.0. Попробуем более детально обосновать наше предположение, что английские слова *bread-and-butter* в тексте Л. Кэрролла представляют собой имитацию невнятной, возможно, даже бессвязной речи.

1.1.0. Как известно, существуют различные — в соответствии с различными целями — виды имитации речи. Наиболее известный случай — имитация какого-либо конкретного языка. У немецких детей, например, есть короткие стихотворения и песенки, которые "звучат" вполне по-немецки, но ничего не значат и не обладают каким-либо "разумным смыслом". Кроме того, есть имитация определенных текстов и видов текстов (например, имитация пословиц, имитация речевой манеры какого-либо автора и т.п.).

Но можно имитировать и речь вообще, речь, относительно которой есть основания полагать, — как и для всякой речи, — что она что-то обозначает и наделена некоторым смыслом, но остается непонятной для слушающего. В цитированном отрывке из Л. Кэрролла Алиса слышит, как Белая Королева бормочет что-то, похожее на *bread-and-butter*, однако она не уверена, что расслышала правильно. Ей кажется, что она слышит что-то вроде *bread-and-butter*, т.е. она пытается приписать услышанному некоторое содержание, и притом такое содержание, которое соответствует знаниям и ожиданиям ребенка в ее возрасте, т.е. то, что может найти место в мире ребенка. Однако смысл этих слов остается для нее, как и для читателя, скрытым. Белая Королева что-то пробормотала, и Алиса предполагает, что она что-то сказала по-английски, однако однозначно идентифицировать высказывание не может.

Здесь скорее всего мы имеем дело с имитацией речевой деятельности вообще, а не с высказыванием на каком-либо конкретном языке. Иными словами, необходимо строго различать средства, инструмент имитации, который вполне может быть элементом конкретного языка, обладающим в этом языке определенным значением (как англ. *bread-and-butter*), и функцию в тексте — "невнятное бормотание".

1.1.1. Естественно, не всякую речь, не обладающую — по крайней мере, для нас — значением и смыслом, можно квалифицировать как бормотание. Что же позволяет утверждать, что в данном случае мы имеем дело с имитацией бормотания?

1.1.2. Помочь может сравнение с имитацией речи в других языках. Существуют ли в других языковых коллективах традиции имитации речи вообще?

В немецкоязычной среде известны — можно сказать даже общеизвестны — две формулы, используемые в театре для имитации бормотания, т.е. неразборчивой

речи. Такими средствами являются слова *Rhabarber*² и *Barbara*; группы актеров на сцене повторяют их (*Rhabarber, Rhabarber, Rhabarber...*)³, чтобы создать у слушателей впечатление разговора.

Итальянцам также известно слово *Rabarbaro* в сценической практике, хотя оно, похоже, распространено не так широко, как в немецких театрах⁴. Оно употребляется в итальянском и по сей день также для обозначения бесполезной, пустой болтовни. Например, летом 1987 г. в Италии прошла премьера оперы под названием "*Rabarbaro, rabarbaro*", что обозначало пустые разговоры (итал. *chiachiere*)⁵.

Англичане также используют формулу *Rhubarb, rhubarb...*, как в театральной практике, так и в повседневной речи, когда требуется обозначить бессмысленное говорение, болтовню. В отличие от немецких и итальянских словарей английские словари фиксируют оба употребления слова⁶.

Наконец, в румынских театрах используют формулу *Barbă rară, barbă rară ...*, букв. "светлая борода"⁷.

² Относительно возникновения этой формулы рассказывают следующую историю. Какой-то режиссер во время репетиции потребовал, чтобы актеры говорили на сцене нечто, воспринимаемое как неразборчивая речь; актеры же поинтересовались, что же они должны "бормотать". Одновременно режиссер попросил у служащего театра ревеня (*Rhabarber*), т.е. слабительное, актеры же поняли эти слова как указание относительно того, что следует произносить. Этот анекдот симптоматичен, поскольку показывает, что использование слова *Rhabarber* в этой функции не имело очевидного объяснения. Была сделана попытка придать этому употреблению содержательную мотивацию; при этом не знали, что дело вовсе не в значении слова, а в его звуковых свойствах (см. ниже). Заметим, что эти же слова верующие и церковные служки бормочут, когда, перебирая четки, они забывают тексты молитв

³ Употребление этой формулы в немецких театрах было подтверждено в нескольких группах Мюнхена и Штутгарта. Исключение составили сотрудники литчасти наиболее престижного штутгартского театра, которые утверждали, что им не приходилось встречаться с подобной практикой в театре, во всяком случае в их труппе "актеры получают серьезные тексты для того, чтобы изображать бормотание". Впрочем, *Barbara* и *Rhabarber* годятся на сцене скорее для того, чтобы имитировать энергичную речь. В зависимости от целей имитации используются также другие слова и выражения, а также целые тексты. Для изображения беседы заговорщиков подходят скорее слова с шипящими звуками, чем энергичное *Rhabarber* (сообщение режиссера проф. Д.Эрига из Мюнхена).

⁴ Им пользуются прежде всего в театрах, где играют дети (сообщение сотрудницы театра Гарибальди в Турине, январь 1988 г.). Чаще всего актерам предлагают говорить о чем-нибудь, о своих личных делах, разумеется, достаточно тихо.

⁵ Сообщение проф. А. Маринетти (университет Бари, декабрь 1987 г.).

⁶ См., например, словарь Коллинза ([1], s.v. *rhubarb*): "the noise made by actors to simulate conversation, esp. by repeating the word *rhubarb* at random". См. также [2]: "Film actors pretending to be a noisy crowd may say *rhubarb, rhubarb, rhubarb*". Слово употребляется также, "when the meaning of the words is not important". Во французско-английском и английско-французском словаре [3] при слове *rhubarb* находим пояснение: (theat.) "*brouhaha* (mot employé pour constituer un murmure de fond)".

⁷ Похоже, что у французов не существует подобной традиции имитации речи вообще. Согласно справке, полученной мной в январе 1988 г. в нескольких парижских театрах (*Théâtre Renaud-Barrault, Odéon-Comédie-Française, Montrouasse, Marny, Comédie des Champs-Élysées*) там не пользуются подобными формулами и не знают об их существовании. Актеры получают тексты, составленные в соответствии с функцией и целью той невидимой речи, которую надб изображать.

Испанских традиций такого рода нам также не удалось обнаружить. Режиссер А. Антон-Пачего (известная в Испании прежде всего своими постановками Шекспира) сказала в декабре 1987 г. в Леоне, что она в этих случаях дает актерам "осмысленные" тексты, вроде: "один, два, три, четыре...". Другие импровизируют или произносят "м-м-м" с закрытым ртом. Для изображения "заговора" используют слово со свистящими, например, *Serpientes, serpientes...* "змея". Об этом свидетельствуют справки, полученные в нескольких театрах Мадрида (*Teatro Lirico Nacional La Zarzuela, Teatro Nacional Maria Gurrero, Compañía Nacional de Teatro Clásico*) в январе 1988 г. (Подобное существует и в румынских театрах, где для "заговора" используют формулу *şase-şapte, şate-şapte...* "шесть-семь"). В словаре театральной терминологии [4] нет указаний на слова с подобной функцией. Исп. *camelo, camelo..., furcio, furcio...* (ср. англ. *fluff*) используются тогда, когда актер забыл текст и просто "говорит" что-либо, сигнализируя одновременно своему партнеру, что попал в затруднительное положение и что партнер должен говорить дальше. Р. Портильо, с которым мы также беседовали в декабре 1987 г. в Леоне, не мог ничего добавить к уже известному, сам он ничего не знал о формуле *rhubarb* в английском театре.

1.1.3. Что объединяет все эти формулы (нем. *Rhabarber, Barbara*, англ. *rhubarb*, итал. *rabarbaro*, рум. *barba rara*)? Сразу бросается в глаза, что эти выражения обладают похожим, в значительной степени тождественным звуковым "обликом", для которого в большинстве случаев характерно повторение последовательности *b-r* (билабиальный смычный — вибрант: *bar* resp. *bar-bar*).

1.2.0. Каким образом связать англ. *bread-and-butter, bread-and-butter* ... с такой практикой имитации речи?

В наше время употребление этих слов в функции "имитации речи" (или "пустой болтовни") не известно⁸. Во фразеологических словарях нет сведений, которые могли бы указывать на такое употребление⁹.

Здесь не может быть речи о скороговорке типа исп. *tres tristes tigres*, поскольку контекст не допускает подобной функции (Белая Королева слишком ошеломлена, чтобы упражняться в скороговорках). Литературоведам известно это место из книги Кэрролла, однако в соответствующих публикациях нет ни малейшей ясности относительно текстовой функции ("смысла") выражения *bread-and-butter*. Специалисты склоняются к тому, чтобы рассматривать его как неразрешимую загадку, и задаются вопросом, что бы мог Л. Кэрролл подразумевать при этом¹⁰.

1.2.1. По нашему мнению, решить загадку можно, если исходить из предположения, что функцией обсуждаемого выражения в тексте является "имитация (невнятного) бормотания"; при этом следует иметь в виду, что это выражение, с одной стороны, обладает определенной звуковой структурой (звуковая последовательность *b-r* и ее повторение, т.е. в принципе не иначе, как в *rhubarb, rhubarb...*), а с другой стороны, состоит из английских слов, которые сами по себе означают "хлеб и масло". Другими словами, вопрос необходимо разделить на два: 1) почему указанная звуковая структура обладает очевидным сходством с традиционными формулами типа *Rhabarber, Barbara* и 2) почему оно состоит именно из английских слов, означающих "хлеб и масло"? Второй вопрос сам по себе решить относительно просто: эти слова и их значения соответствуют представлениям английского ребенка, т.е. тому, что английский ребенок может услышать в неразборчивом бормотании. Но это никак не помогает ответу на первый вопрос и поэтому ничего не проясняет относительно функции выражения в тексте. Ведь эта функция определяется не наличием английских слов с определенным значением (даже Алиса не уверена в том, что Белая Королева действительно говорит о хлебе и масле!), а тем, что эти английские слова наделены определенной звуковой структурой. Это значит: в данном случае (на уровне текста) не звуковая структура служит "выражением" определенного языкового содержания, а, напротив, эти английские слова благодаря своим звуковым качествам (и в принципе независимо от их конкретного значения) служат элементами, из которых строится определенная звуковая структура, которая становится тем самым "выражением" определенной текстовой функции ("имитация невнятного бормотания").

1.2.2. Что же побудило Л. Кэрролла выбрать именно эту звуковую структуру? Возможны два ответа на этот вопрос. Либо Л. Кэрролл совершенно случайно использовал слова *bread-and-butter*, имея в виду не звуковые свойства слов, а лишь представления ребенка (что, однако, маловероятно, потому что в этом

⁸ Согласно уверенному свидетельству работающих в Тюбингенском университете магистра К. Гепперт-Жоли, д-ра Э. Латти и д-ра К. Буна.

⁹ Словосочетания типа *bread-and-butter letter* "письмо с благодарностью за гостеприимство", *bread-and-butter miss* "юная девушка, девочка", *bread-and-butter problems/issues/education* "существенные, важные, основные, насущные, повседневные проблемы, дела и т.п.", в которых *bread-and-butter* употребляется в атрибутивной позиции (!), явно никак не соотносятся с этой текстовой функцией (см. [5, 2, 6]).

¹⁰ В известной книге М. Гарднера [7] также нет решения этой загадки. В книге Р.Д. Сазерленда [8], примечательной во многих отношениях, ничего не говорится об этом месте.

случае функция "имитация невнятной речи" оказалась бы выполненной ненамеренно), либо он выбрал эти слова намеренно. В этом случае можно опять-таки предположить две возможности: либо Л. Кэрролл воспользовался существовавшей в Англии в XIX в. традицией имитации, либо он сам подобрал эти слова для имитации бормотания, опираясь, с одной стороны, на свойственную нескольким языкам (*übereinsprachliche*) традицию имитации такого рода и, с другой стороны — на представления ребенка, в чьем мире "бутерброд" занимает немаловажное место. По нашему мнению, верно скорее всего второе, тем более что употребление слов *bread-and-butter* в этой функции не зафиксировано (ничего подобного нам обнаружить не удалось)¹¹.

Следовательно, необходимо рассмотреть эту свойственную нескольким языковым общностям традицию. Для этого нужно прежде всего попытаться отыскать истоки формулы *Rhabarber*.

2.1.0. Нам удалось установить, что в трех языковых общностях Западной Европы (немецкой, английской и итальянской) в театре используют слово *Rhabarber* (англ. *rhubarb*, итал. *rabarbaro*) в качестве формулы, имитирующей невнятное бормотание. Возникли ли эти формулы в каждой общности независимо или же следует предположить, что одна из этих языковых общностей была центром, из которого формула распространилась и на другие общности? Если имело место второе — к чему мы склоняемся, — то какая из указанных общностей была центром? Наше первоначальное предположение, что формула с такой функцией возникла сначала в Англии (в пьесах Шекспира) и распространилась на юг Европы через Германию до Италии, опровергается тем фактом, что у Шекспира это слово встречается только в значении "слабительное", но не как имитационная формула¹². Поэтому более вероятно предположение, что формула распространялась из южной Европы на север, возможно, с *commedia dell'arte*¹³.

Слово *Barbara*, которое иногда используется в немецком театре с той же целью, представляет собой, по-видимому, "народноэтимологическую" адаптацию слова *Rhabarber*, румын. *barbă rară* скорее всего связано (также через народную этимологию) либо с *rabarbaro*, *Rhabarber*, либо с *Barbara*.

2.1.1. Судя по всему, речь идет о единой традиции. Можно ли проследить ее истоки, например, до античной эпохи (речь не идет о слове *Rhabarber* как таковом, представляющем собой позднелатинское образование)? В том, что касается театральной практики, определенно нет: античный театр не знает бормочущих толп, и хор, представлявший (не принимающую прямого участия в действии) "толпу", должен был изъясняться ясно и понятно; то же касалось и отдельных актеров.

2.1.2. Однако древнегреческий язык дает нам немало материала относительно имитации невнятной или непонятной речи: в первую очередь это хорошо известное *bárbaros* (лат. *barbarus*), в основе которого лежит удвоенный звукоподражательный комплекс *bar-bar*; затем: *babázein*, *babýzein* "говорить невнятно", *bambatnō* "закататься" и др. Все эти формы принадлежат к обширному и.-е. семейству

¹¹ Какими словами пользовались в XIX в. на английской сцене для имитации неразборчивой речи, установить с определенностью не удалось: словари не датируют появление *rhubarb*, *rhubarb* в этой функции. Есть, однако, основания полагать, что формула существовала уже в прошлом веке. Знал ли о ней Л. Кэрролл?

¹² Ср. ([9], s.v. *Rhubarb*): "the plant Rheum, used as a purgative" ("Macbeth", V. 3, 55).

¹³ Впрочем, это всего лишь предположение, для которого мы не располагаем подтверждениями в области исторической лингвистики и основываемся исключительно на общих культурно-исторических соображениях. Во всяком случае тот факт, что распространение слова как обозначения растения шло с юга на север, подтверждается тем, что слово было заимствовано немецким языком из итальянского в XVI в., а в английском (в форме *s a* в первом слове) — было засвидетельствовано лишь в XVII в. Ср. [10], s.v. *rabarbaro*: "Il nostro rabarbaro passò in ted. come Rhabarber nel XVI sec. e in ingl. come rhubarb nel 164".

ономатопэтических слов, в основе которых лежит *ba-ba* (*bar-bar*, *bal-bal* с многочисленными диссимиляциями), обозначавшее нечеткую, невнятную речь¹⁴. Слово *bárbaros*, как известно, также первоначально относилось к языку (изначальное значение было приблизительно следующим: "бормочущий, заикающийся, болтающий что-то непонятное"); затем на основе метафоризации оно стало обозначать чужеземца, "говорящего непонятно (на непонятном языке, не по-гречески)". Наконец, это слово стало выступать в значении существительного "чужеземец, не-грек", а в адъективном значении — "необразованный, грубый, некультурный". Почти тождественную греч. *bárbaros* форму можно найти в древнеиндийском (скр. *bar-barah* "бормочущий"); во многих других древних и новых и.-е. языках существует множество похожих звукоподражательных слов с той же семантикой: лат. *balbus* "заикающийся, картавый", *balbutire* "бормотать", франц. *barboter*, *babiller*; исп. *bablar* [16, s.v. *bablar*], *barbotear*, *barbullar*; англ. *babble*; нем. *babbeln*, *pappeln* и т.д.¹⁵.

Правда, все эти формы представляют собой уже "имена", они обозначают невнятную, нечленораздельную, непонятную речь. Но все они предполагают в качестве исходного момента подражание такой речи, и притом во всех случаях с помощью аналогичных средств, а именно звуковых последовательностей *bVr*, *bVI*, *br*, *bl* (иногда, как в немецком, и *pl*), что с редупликацией (порой сопровождаемой вторичной диссимиляцией).

К этой охватывающей ряд языков традиции (или охватывающему ряд языков способу обозначения определенной речи) следует отнести, по нашему мнению, и *bread-and-butter* Л. Кэрролла, хотя речь в этом случае идет по всей вероятности (см. далее) об индивидуальном "языковом творчестве": он просто использовал уже существующий во многих языках (в том числе и в английском) имитационный прием, либо "открыл" этот прием заново.

3.1. Имитация речи с помощью формул типа *Rhabarber*, *rhubarb* и т.п. следует строго отграничивать от других явлений, которые связаны либо граничат с ними. В первую очередь речь идет об имеющихся в отдельных языках именах со значением "бормотания", т.е. о словах, которые значат в отдельном языке "бормотание, непонятная речь и т.п." (и потому могут обозначать в речевом акте бормотание, невнятную речь и т.п.). Имитационные формулы типа *Rhabarber*, *rhubarb* как таковые не являются именами, они не обладают значением "речь вообще" или "непонятная речь", они представляют собой отображение речи. Более того: они вообще не обладают каким-либо языковым значением — лексическим, категориальным или синтаксическим (*Rhabarber* в формуле *Rhabarber*, *Rhabarber* не является ни существительным, ни, скажем, подлежащим некоего предложения): они обладают лишь текстовой функцией, традиционной для определенных языковых коллективов. Правда, материально они — в тех случаях, которые мы рассматриваем¹⁶, — совпадают с определенными лексемами, обладающими соответствующим значением: *Rhabarber* обозначает вид растения, *Barbara* — личное имя, румын. *barbă rară* значит "светлая борода", румын. *șase-șapte* "шесть-семь" (см. примеч. 7), исп. *serpientes* значит "змеи". Однако эти значения снимаются при выполнении текстовой функции "имитация речи": единственно значимой остается способность этих форм, благодаря их звуковым свойствам, функционировать в качестве средств имитации,

¹⁴ См. [11, с. 90 сл.]; [12, s.v. *bárbaros*, 13, s.v. *babai*; 14, s.v. *bárbaros*; 15].

¹⁵ См. прежде всего [11], где приводятся многочисленные формы из славянских, скандинавских, романских и др. языков. К ним можно было бы добавить: румын. *a balborosi* "запинаться, заикаться, бормотать; говорить непонятно, на чужом языке", *a ze bibii* "бормотать", русск. *бормотать*, франц. *brouhaha* "bruit confus qui s'élève dans une foule", нем. *blubbern* "заикаться, бормотать".

¹⁶ Мы интересуемся в данном случае языком как реальностью и теми функциями, которые он как таковой может выполнять. Поэтому мы отвлекаемся в данном случае от имитации речи вообще звуками — например, *ттттт* — или, хотя фонематически артикулированными, но не традиционными, а окказиональными, произвольными по речевому материалу способами.

вызывая у слушателя впечатление речи, не членимой семантически и не соотносимой с каким-либо конкретным языком. При этом фрагмент (материального) языка используется как вещь, в несобственно "языковой" функции, т.е. не для обозначения чего-либо, а для копирования некоторой реальности, которая опять-таки является языком.

Совершенно иначе обстоит дело с именами, обозначающими формы речи. Они обладают соответствующим языковым значением (значением в определенном языке), но не имеют заданной текстовой функции, если не считать общеязыковой функции обозначения. Прежде всего у них нет функции прямой имитации, так что их звуковые свойства в этом отношении принципиально безразличны: благодаря своему значению они обозначают в речи определенные формы говорения, но не представляют их в виде изображений, имитаций, даже если по своему происхождению являются ониматопеями. В этом последнем случае звукоподражание входит в их "этимологию", т.е. оно является мотивацией их возникновения в качестве знаков с определенным значением и определенным звуковым обликом, но не актуальной (и единственной) мотивацией их употребления в речи как это бывает с имитационными формулами. Разумеется, "этимологическая" мотивация может в определенных случаях актуализироваться в речи, так что эти формы функционируют одновременно как обозначение (благодаря своей семантике) и как имитация (благодаря своим звуковым свойствам), однако имитационная функция выступает по отношению к сигнификативной лишь как дополнительная, т.е. в принципе ситуация та же, что и у форм, этимологически не связанных с ониматопеями: постоянная и первичная мотивация их употребления задается значением.

Конечно, имитационные формулы могут стать именами (как в случае форм, перечисленных в 2.1.2.); однако тем самым радикальным образом меняется их языковой статус: они становятся словами (= лексическими единицами) определенного языка, т.е. эти "звуки" превращаются в данном языке в означающие, которым соответствуют определенные означаемые. То же наблюдается и в тех случаях, когда те же "звуки" продолжают параллельно функционировать в качестве имитационных формул: с функциональной точки зрения речь идет о двух совершенно разных явлениях. Мы, например, уже указывали (1.1.2), что англ. *rhubarb*, итал. *rabarbaro* могут использоваться как обозначение бессмысленной болтовни. Эти слова ни в коем случае не могут быть отождествлены с имитационными формулами *rhubarb*, *rabarbaro* английской и итальянской сценической речи: имитационные формулы не являются сигнификативными единицами. Это выражения, не обладающие значением (т.е. конкретно-языковой семантикой) и наделенные только одной определенной текстовой функцией [= "изображение (непонятной) речи"]; сигнификанты же представляют собой знаковые единицы лишь одного языка — соответственно английского или итальянского, т.е. сочетание выражения и значения, означающего и означаемого. Можно также сказать, что в английской речи (= языковом употреблении) с функциональной точки зрения существуют три различные формы *rhubarb*, объединяемые лишь этимологией: два английских слова и одна имитационная формула английской сценической речи. *Rhubarb*₁ — название растения, *rhubarb*₂ — формула имитации речи и *rhubarb*₃ — обозначение пустой болтовни; при этом этимологически *rhubarb*₂ восходит к *rhubarb*₁, а *rhubarb*₃ — к *rhubarb*₂; *rhubarb*₂ представляет собой *rhubarb*₁ как чистый звуковой комплекс, без соответствующего значения, а *rhubarb*₃ — это *rhubarb*₂ как обозначение класса явлений, к которым *rhubarb*₂ как таковое принадлежит (см. ниже). То же относится и к итал. *rabarbaro*.

Соответственно и эквиваленты в других языковых традициях с необходимостью будут различными. Так, английскому *rhubarb*₁ в немецкой языковой практике соответствует *Rhabarber* (но не *Barbaral*), английскому же *rhubarb*₂ — *Rhabarber* или *Barbara*, а английскому *rhubarb*₃ не *Rhabarber*, а выражения *belangloses Reden*, *sinnloses Reden*, *leeres Geschwätz*, *leere Worte*, *Blabla* и т.д.

3.2. Конвенциональные формулы, изображающие или имитирующие речь, сами по себе вовсе не лишают изображаемую речь значения или смысла. Напротив, изображаемая речь должна восприниматься как пусть и непонятная (не поддающаяся членению), но в остальном "нормальная" речь, наделенная в данном языке значением и смыслом. Более того, в тех случаях, когда смысл обеспечивается не значением отдельных слов, а другими средствами, например, интонацией или звуковым свойством используемых языковых форм (как, например, в случае исп. *serpientes* — *serpientes* или румын. *șase-șapte* для изображения заговора), причем не исключена и речь, которая внешне как будто выражает определенный смысл. Эти формулы и не могут создавать впечатление речи без смысла и значения, так как они не обозначают эту речь, а потому и не могут ее каким-либо образом характеризовать с точки зрения значения; они лишь изображают, замещают ее. У них самих нет значения, а следовательно, нет и наделенного значением смысла; значит, они лишены значения и "бессмысленны", но из этого не следует, что они имитируют "бессодержательную речь". Так, *rhubarb-rhubarb* например, само по себе — "пустое слово", но не замещает "пустого слова" (в этом смысле можно сказать, что в указанном примере *rhubarb*₃ обозначает то, чем является *rhubarb*₂ как таковое, но не его функцию). Поэтому следует чрезвычайно строго отличать эти формулы от выражений со значением "выражение ("слово"), лишенное смысла" герср. "бессмысленная речь", которые в этом своем значении могут быть использованы в свою очередь для имитации или замещения речи, но на этот раз с определенной оценкой, характеризуя ее не просто как речь вообще, но как бессодержательную речь. Различие касается и материально тождественных форм (как наш пример *rhubarb*₃), когда они, становясь сигнификативными единицами, используются для оценочной имитации речи.

Впрочем, насколько нам известно, выражения, значащие в узком и непосредственном смысле "бессмысленное слово", очень редки¹⁷. Самый известный пример такого рода, греч. *blityri*, использовавшееся в этом качестве в латинских текстах средневековых схоластов, носит полунискусственный характер. Явно ономастопозитическое по своему происхождению греч. *blityri*, изначально означавшее "беспорядочное бречанье на струне арфы", затем, в обобщенном значении "бессмысленный звук", вошло в средневековую латынь в форме *blityri*, *blicteri* и др. и приобрело в схоластической логике и теории языка специальное значение "vox nihil significans", и в этом значении, явно через школьное преподавание, получило широкое распространение¹⁸. Наряду с *blityri* в том же значении в схоластике использовали *ba* и *buba*.

Гораздо больше распространены звукоподражательные выражения, со значением "бессмысленная речь", "ничего не значащие разговоры", "пустая болтовня", "пустые слова" и др., характеризующие использование языка¹⁹. Среди интересующих нас выражений, т.е. среди таких, которые, как отмеченные *rhubarb*₃ и *rabarbaro*₃, могут в том же значении использоваться и для имитации бессодержательной речи, в последнее время (особенно после второй мировой войны) получило распространение во многих языках (немецком, английском,

¹⁷ Для слов как составляющих элементов языка молчаливо предполагается — в том числе и наивными носителями языка — условие, что они что-то должны означать. Иначе они и не будут "словами", элементами языка, даже если они могут выступать в речи в качестве "слов" (ср. "пустые слова"!).

¹⁸ Словоформа как таковая была заимствована рядом языков и попала даже в диалекты (ср. итал. *blittri*, *blictri*, *blitteri*, франц. *bélitre*, исп. *belitre*), но в значении "нечто несущественное, неважное (вещь или лицо)" и в других значениях, производных от этого; ср. [16, s.v. *belitre*]. Можно также задаться вопросом, не повлияло ли *blityri* средневековой латыни на англ. *blither* (*bliether*, *blather*) "бессмыслица", относящееся как раз к сфере бессмысленного в языке.

¹⁹ И в средневековой латыни *blityri*, *ba*, *buba* также использовались не только применительно к "словам" как лексическим единицам языка, но и к речи как употреблению языка.

французском, испанском, итальянском, румынском) прежде всего *Blabla (blabla, bla-bla)*, означающее, с одной стороны, пустую болтовню (ср. *Diese Rede war nur Blabla; Er redet bloß Blabla*) и служащее, с другой стороны, для сопровождающейся определенной (негативной) оценкой имитации речи²⁰.

3.3. Таким образом, ономастопозитические имена, обозначающие виды и характеристики речи, представляют собой совершенно иные явления, нежели формулы имитации и замещения речи. Они хотя и связаны с этими формулами через материальный признак звукоподражания, однако их языковой статус совершенно иной. Это не просто звуковые комплексы, "язык как вещь", это просто "язык"; это не разновидность "несобственного" использования языка (как это имеет место в случае с имитационными формулами), а элементы языка. Их место как и таких слов, как *язык, речь, слово, вопрос, сказать, говорить* и др. — в том разделе лексики, который может быть назван "метаязыком данного языка", т.е. они относятся к тем лексическим средствам, которыми язык располагает для классификации и именования реальности, именуемой "языком".

4.0. С имитационными формулами гораздо теснее связаны иные явления. Речь идет о различных видах использования языка, а именно его материальной стороны, "языка как вещи" в узком смысле, т.е. о другой и более существенной черте имитационных формул — устранении, снятии значения (или его отсутствии). Их языковой статус аналогичен статусу имитационных формул; отличается лишь способ употребления, соответствующая функция. В дальнейшем мы выделим основные типы этих почти не изученных (во всяком случае изучавшихся не в этом аспекте) явлений и кратко охарактеризуем их в отношении возможностей их перевода.

4.1. Ближе всего к имитационным формулам стоят звуковые комплексы типа *tra-la-la* (с вариантами), служащие заместителями слов (в том числе потенциальных слов) при пении. Впрочем, достаточно существенное отличие от имитационных формул заключается в том, что в этих звуковых комплексах не происходит снятия языкового значения, поскольку оно отсутствует изначально, в первую очередь потому, что эти комплексы могут замещать не только слова, но и музыкальные звуки (с помощью *tra-la-la* можно изображать и инструментальную музыку).

4.2. Следующий тип, значительно удаленный от имитационных формул, связан с использованием плана выражения звуковых единиц в мнемотехнических формулах и процессах. В этом случае языковые средства функционируют как своего рода "текст", материальная структура которого соответствует структуре подлежащих запоминанию "фактов" (которые, в свою очередь, могут относиться к области языка), либо гомологически отражает эту другую структуру: речь идет о типичном "несобственном" употреблении языка²¹.

Хорошо известно, например, употребление в средневековой логике соответствующих формул для изображения силлогистических фигур. Схоластическая (и, позднее, традиционная, или "классическая") логика использовала для изображения 19 модусов утвердительных и отрицательных силлогизмов соответственно их логической структуре 19 скомпонованных в виде стиха следующих друг за другом словоформ (без всякой синтаксической связи). Среди словоформ были реальные, а также специально для этой цели придуманные и потому сами по себе лишенные смысла; в любом случае наличие или отсутствие языкового значения было irrelevantно, значимы были лишь гласные *a, e, i, o* (обозначавшие соответствующие посылки и следствия) и их последовательность.

²⁰ Д-р Зулуага (Тюбингенский ун-т) сообщил, что видел некоторое время назад по колумбийскому телевидению передачу, в которой комик в течение 3—4 минут изображал речь политика, повторяя с разными интонациями только *bla-bla*.

²¹ Следует, впрочем, заметить, что не всякое употребление языка в мнемотехнических целях носит "несобственный" характер.

Изобразительные структуры были, например, такими (в первой "стихотворной строке"): А-А-А, Е-А-Е, А-І-І, Е-І-О, а содержащие эти структуры "тексты" имели следующий вид: BARBARA — CELARENT — DARIИ — FERION²².

Сходно, но не аналогично употребление языковых форм для замещения цифр²³, например, в письменной формуле *Clausewitz*, состоящей из десяти различных букв, что позволяло использовать эту последовательность для шифрования чисел (1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 6 — 7 — 8 — 9 — 0), в частности, цен на книги в книготорговле (например: WSZ = 750)²⁴.

4.3.0. Значительно сложнее третий тип использования "языка как вещи" (языка, лишенного значения), связанный с выполнением различных метакоммуникативных функций.

4.3.1. К этому типу в первую очередь принадлежат различные формулы, используемые для проверки техники и каналов связи в разных коммуникативных системах. Телефонные "междометия" типа нем. *hallo*, франц. *allô*, рум. *alô*, исп. *holá*, *oigo*, *oiga*, *bueno*, итал. *pronto* выполняют одновременно и функцию обращения (по большей части также и вне телефонной коммуникации); а исп. *oigo*, *oiga* (частично также исп. *bueno*, итал. *pronto*) сохраняют свое значение и в случае использования в качестве "междометий". Чисто метакоммуникативную функцию проверки канала связи выполняет специально для этой цели сконструированное английское предложение *The quick brown fox jumps over the lazy dog*. Это предложение, содержащее все буквы английского алфавита, используется для проверки пишущих машинок и прежде всего для проверки клавиатуры и канала связи телетайпов международных информационных агентств (Рейтер, ДПА). Для сообщений на немецком языке используют построенную по аналогичным критериям немецкую фразу: *Fällen Sie (quasi zur Übung) jede Woche mit stumpfen Äxten fünf größere Ölbäume im verwilderten Labyrinth am Park*²⁵.

Естественно, что значение в обоих предложениях не играет никакой роли: в этой функции происходит снятие значения или же оно в лучшем случае служит лишь поддержкой при запоминании предложений (впрочем, в случае столь сложного немецкого предложения это сомнительно).

²² Эти формулы стали также использоваться для обозначения соответствующих силлогистических модусов; говорили, например (и говорят еще и теперь), о "фигуре Barbara" или силлогизме "типа Barbara" и т.д. (выражения, в которых Barbara функционировало не столько как имя, сколько как описательное указание). В связи с этим возникает вопрос, насколько эта мнемотехническая практика, требовавшая повторения и заучивания формул, могла способствовать закреплению слова *Barbara* (наряду с *Rhabarber*) в качестве формулы имитации речи в (немецком) театре: ведь слово *Barbara* стояло в начале первого стиха списка силлогистических фигур, оно и по сей день — самое известное из этих формул. Заметим, что схоластические выражения имели порой столь широкое распространение, что нам это трудно представить, во всяком случае такой важный культурный термин, как *барокко* восходит к одной из логических формул (BAROC), ср. также распространенность *blüti*. О силлогистических формулах см. [17, с. 245 и сл.].

²³ Разумеется, при этом речь не идет о системах цифровой графики, в которых числа обозначаются буквами, поскольку в этом случае буквы являются непосредственными знаками числа: "замещение" происходит не только через несобственное употребление языка. Впрочем, обозначение чисел буквами может быть мотивировано в историческом плане. Возможно и их соотношение с языком через вторичную мотивацию: например, римские цифры С и М часто понимались (и понимаются) как начальные буквы латинских слов *centum* и *mille*, хотя на самом деле их происхождение не связано с этими словами (изначально знаки не были даже этими буквами).

²⁴ Другим "ключевым словом" такого рода было слово *librandosi* у итальянских книготорговцев. Поскольку в этом слове *i* встречается дважды, для того чтобы отличить второе *i* (обозначавшее нуль), его снабжали знаком долготы: *î* (сообщение проф. Э. Косериу, Тюбинген). Совершенно иначе обстоит дело с рум. *охо* (в разговорной речи молодежи, в речи, приближающейся в аргю) "готово! закончено". В этом случае неязыковой элемент стал языковым: графический значок *охо* (варианты: *ххх*, *ооо*, *-х* и др.) в конце машинописного текста — собственно, созданный с помощью пишущей машинки рисунок, в котором *о* и *х* вовсе не выступают как графемы (заместители звуков) — был прочитан как слово *охо* [okso], и поэтому звуковому комплексу было приписано значение "готово! закончено", которое в дальнейшем было использовано для характеристики состояния различных действий и заданий (Aufgaben).

²⁵ Справка получена в агентстве ДПА, в телетайпной в Гамбурге, 24 янв. 1988 г.

4.3.2. Другую группу образуют формулы, используемые для точной побуквенной передачи имен собственных, а также малознакомых слов, в особенности при диктовке и при сообщении по телефону²⁶. В Германии для этого используют личные имена, а в некоторых случаях другие специально подобранные слова (*Anton, Ärger, Berta, Cäsar, Charlotte, Dora, Emil*)²⁷; в Италии пользуются почти исключительно названиями городов (*Ancona, Bologna, Catania, Domodossola* и т.д.), в Испании используют различные географические названия. Во всех этих случаях полностью отвлекаются от значения, в значительной мере также и от общей звуковой или графической структуры: они необходимы лишь как контекст, облегчающий восприятие начальной фонемы в сочетании с начальной графемой (буквой или сочетанием букв)²⁸.

4.3.3. Наконец, к тому же типу относятся лишённые сами по себе значения формулы, служащие указанием для партнера по коммуникации. Ср. *fluff* в английской и *camelo* в испанской сценической речи (см. примеч. 7). Вообще лишённая значения чисто графическая формула *etaion* (также *Etaion, ETAION*), которой до недавнего прошлого пользовались в итальянских типографиях, в особенности в типографиях газетных издательств, в качестве указания для корректора²⁹: обнаружив при наборе ошибку, наборщик заполнял остаток строки этой формулой, чтобы обратить внимание корректора на дефектную строку и дать ему таким образом своего рода указание, которое можно перевести так: "строка отсутствует" или "строку убрать"³⁰.

4.4. Четвёртый тип, значительно отличающийся от рассмотренных ранее, впервые был представлен "формальным силлогизмом" Р. Карнапа [19, 2], который затем неоднократно повторялся в учебниках современной формальной логики: "Piroten karulieren elatisch — A ist ein Piroten — A karuliert elatisch". Этой фразой Карнап хотел показать, что логический вывод осуществляется на основе формальной "логики синтаксиса" и не зависит от (лексического!) "значения" входящих в силлогизм терминов. На самом деле в такой фразе сохраняются категориальное и синтаксическое значения, представленные обычными

²⁶ Потребность максимальной ясности и недвусмысленности для достижения адекватного восприятия слушающим оказывает, впрочем, влияние и на язык как таковой: некоторые языковые формы подвергаются, как известно, по крайней мере в определенных контекстах, модификации и даже замене во избежание опасности смешения с другими формами. Ср. нем. *zwei* вм. *Juli* (употребляется уже не только в телефонных разговорах!); порт. *meia*, букв. "половина" (т.е. *meia dúzia* "полдюжины") вм. *seis* "шесть" (из-за возможности смешения с *tres* и другими словами на *-es, -eis, -eis, -seis*), в Бразилии это слово уже вошло в разговорный язык; рум. *dozeci* вм. *douăzeci* "двадцать" (используется в телефонном разговоре, чтобы не спутать с *nouăzeci* "90").

²⁷ Речь идет о положении только на внутренних телефонных линиях; при международной связи служебные инструкции предписывают использование другого списка, состоящего из хорошо известных географических названий и других имен собственных (*Amsterdam, Baltimore, Casablanca, Danemark, Edison*).

²⁸ Этот способ может, однако приводить к ошибкам, в результате которых происходят непреднамеренно анекдотические истории, если метаязыковые средства обеспечения коммуникации по ошибке включаются в основной текст и интерпретируются как часть этого текста. Это произошло, например, в следующем испанском газетном объявлении: "Tuberos y soldados homologados de Argon, América, Rusia, Gerna, Oviedo y Navarra. Oficiales de primera se necesitan para trabajar dentro de la provincia en Tamoin, América, Murcia, Oviedo, Inglaterra, Navarra" [18, 14] Argon и Tamoin — названия двух фирм, а следующие за ними географические названия — передача этих названий по буквам: объявление было явно передано в релакцию по телефону. В некоторых четко оговоренных случаях метаязыковые элементы все же должны присутствовать в самом тексте. Так, почтовое ведомство ФРГ издало распоряжение, согласно которому римские цифры должны передаваться не прописными буквами, а цифрами с добавлением (возможно сокращение) указания "romisch" "римский", например, XIV = *roemisch vierzehn* или *roemisch 14, roem 14*.

²⁹ В наши дни этой формулой пользуются лишь в малых типографиях, не обеспеченных соответствующим компьютерным оборудованием, делающим их излишними.

³⁰ Правила, в некоторых случаях корректоры все же пропускали этот сигнал, и строка выходила из печати в таком виде, особенно там, где были иностранные имена или имена собственные. Случалось это, по-видимому, не так уж редко, если один из журналистов написал об этом статью под заголовком "Мистер Этайон" (сообщение проф. А. Прослочкини, Падуа).

для немецкого языка средствами (*Piroten* — явно имя существительное, подлежащее, *karulieren* — глагол, сказуемое, *elatisch* — наречие, обстоятельство). Отсутствует лишь лексическое значение, и поэтому эти придуманные словоформы обозначают не существующую, наличную, а лишь виртуальную "внеязыковую реальность".

5.1. Итак, взяв за отправной пункт *bread-and-butter* у Л. Кэрролла, мы выделили следующие виды особого употребления языка:

а) выражения звукоподражательного характера, замещающие (непонятную, невнятную) речь (типа нем. *Rhabarber—Rhabarber*);

б) звукоподражательные выражения, обозначающие в определенных языках непонятную, бессмысленную речь, пустую болтовню (типа *blityri*, нем. *Bläöia*, англ. *babble*);

в) звуковые комплексы, замещающие при пении слова (*tra-la-la*);

г) выражения, служащие мнемотехническими формулами (значение при этом как бы выключается, ср. *BARBARA, CELARENT...*);

д) выражения, которые, при исключении (потенциального) значения, служат метакоммуникативными средствами типа 1) *The quick brown fox...*; 2) *Anton, Arger, Beta...*; 3) исп. *camelo*, англ. *fluff*);

е) выражения, обладающие категориальным и грамматическим, но не лексическим значением (типа *Piroten karulieren elatisch*).

5.2. Каково значение этих типов употребления языка для теории и практики перевода? Как следует их переводить?

Из шести перечисленных основных типов "переведены" в узком смысле слова, т.е. переданы содержательно, могут быть лишь выражения, относящиеся к пункту б): речь в данном случае может идти о замене эквивалентными по значению словами языка, на который осуществляется перевод. Более того: их следует переводить таким образом, поскольку их первичная и нормальная функция состоит в "обозначении средствами языковой семантики", т.е. совпадает с "собственной" семиотической функцией языка³¹. Так, например, в случае с англ. *babble* "unmeaning words" следует сначала определить, что это слово обозначает в данном тексте, а затем отыскать в языке, на который осуществляется перевод, выражение, которое по своей семантике может в том же контексте означать то же самое; т.е. способ действия в принципе тот же самый, что и при переводе таких слов, как *tree* или *house*. Если это выражение к тому же еще и носит звукоподражательный характер, тем лучше: это позволит передать звукоподражательную (в данном случае вторичную) функцию, если "этимологическая" мотивация актуализируется в тексте. Если же подобная актуализация отсутствует и звукоподражательный момент не влияет на смысл текста, вполне уместно воспользоваться дескриптивно-аналитическим переводом вроде нем. *leere Worte* "пустые слова", рум. *vorbe goale* тж. Для выражений, относящихся к пункту д), возможен подобный подход, однако лишь в отношении виртуального сигнификата, заданного категориальной и синтаксической семантикой (см. ниже).

Для всех остальных случаев перевод с опорой на значение полностью исключается. Ведь частично эти выражения в различных языках вообще лишены значения, а если это значение и существует, то в соответствующей функции происходит его снятие. Следовательно, эти выражения не могут выполнять в текстах символическую функцию, означать что-либо³². Тем не менее они тоже

³¹ Речь идет, разумеется, об обычном употреблении, о "норме": ведь в конкретных текстах возможны функциональные сдвиги, в результате которых значимое слово превращается в чисто звуковой комплекс, и наоборот.

³² Можно было бы, конечно, сказать, что в мнемотехнических формулах типа *BARBARA, CELARENT* и т.д. собственно значащими элементами являются гласные *A, E, I, O* (замещающие "общеутвердительный", "общеотрицательный", "частично утвердительный", "частично отрицательный"). Но это не так для формул типа *A-A-A, E-A-E*, не обозначающих, а описывающих или отображающих силлогистические фигуры; и уж совсем не так для формул типа *BARBARA, CELARENT*, содержащих эти вокалические формулы и служащих для них мнемотехнической опорой.

должны быть переведены. Ведь "переводятся" не элементы конкретного языка, а тексты, т.е. именно случаи употребления языка; а каждый тип употребления языка, имеющийся в тексте оригинала, должен найти в переводе свой эквивалент³³. Поскольку перевод — употребление языка с точно заданной функцией, и в этом случае прежде всего действует общий принцип переводческой деятельности: использовать в переводе те языковые средства, которые в данном языковом коллективе и в соответствующей сфере общения обладают той же функцией. Если же в том или ином языковом коллективе нет эквивалента для соответствующей текстовой функции, переводчик должен проявить находчивость и творческие способности, подбирая средства, подходящие для данного случая (иногда заимствуя что-либо из языка оригинала или из переводимого текста)³⁴. Применительно к обсуждаемым выражениям это значит следующее³⁵.

1) Выражения, имитирующие (непонятную) речь, в принципе переводятся аналогичными выражениями, независимо от их конкретно-языкового значения, разумеется, если они в данном языковом коллективе существуют. Так, нем. *Rhabarber-Rhabarber* или *Barbara-Barbara* в румынской сценической речи соответствует *barbă-rară, barbă rară*. Если же подобных выражений в данной сфере общения нет, то следует найти им подходящую замену. То же касается изначально лишенных смысла звуковых комплексов, замещающих слова при пении (кстати, они совпадают в большом количестве языков); их заменяют аналогичными по функции звуковыми комплексами или же просто заимствованиями (часто не без звуковой адаптации).

2) Мнемотехнические формулы типа *BARBARA* в переводе не нуждаются, если усваивается то, что обозначается гласными, — они ведь функционируют лишь как материнские схемы. Не случайно эти формулы, по крайней мере для тех обществ, которые входят в круг "европейской" культуры, не переводятся и даже не адаптируются, а просто употребляются наподобие имен собственных. Вообще же эти мнемотехнические формулы могут нуждаться в адаптации (например, в языках, не различающих *e* и *i*, или *r* и *l*, в которых нет звука *b*, которые не допускают встречающихся в этих формулах звуковых последовательностей и т.д.). Мнемотехническая функция лучше выполняется средствами родного языка. В других случаях мнемотехнические формулы, используемые в аналогичных целях, в разных языковых коллективах неодинаковы. В этом смысле итал. *librandosi* (см. примеч. 24) представляет собой адаптацию (и тем самым в соответствующей функции "перевод") немецкой формулы *Clausewitz*.

3) Выражения, служащие инструментами коммуникации, "переводятся", как и выражения первой группы, исключительно по смыслу (но без звукоподражательного момента) либо существующими в языковом коллективе для этой цели выражениями, либо специально созданными для этого выражениями. Указанное в пункте 4.3.1. немецкое предложение является в этом смысле "переводом"

³³ Кстати, это верно и для перевода в узком смысле, при котором — вопреки широко распространенному мнению — передаются не значения слов как таковые, а их функция в тексте, т.е. обозначение некоторой реальности с помощью этих значений.

³⁴ В особенности в тех случаях, когда текст оригинала уже не связан с какими-либо традициями, существующими в том языковом коллективе, где он возник.

³⁵ Мы попытались эксплицитно сформулировать те нормы переводческой деятельности, которые уже имплицитно действуют при переводе соответствующих выражений. При этом каждый тип употребления мы рассматривали отдельно, так сказать, "в чистом виде". В реальной речевой практике эти функциональные типы могут выступать в смешанном виде (или в смешении с другими функциями), так что одно и то же выражение выполняет две, три или более функций, а это значит, что для одного и того же выражения действуют одновременно несколько, возможно, противоречащих друг другу переводческих норм. Искусство переводчика заключается не в определении норм или нахождении готовых эквивалентов (это обеспечивает теоретическое и практическое переводоведение), а в том, чтобы создать эквиваленты, согласовать противоречащие друг другу нормы либо найти ту идеальную норму, ради которой можно абстрагироваться от других, в принципе тоже важных.

английского предложения *The quick brown fox...* в соответствии с его целевым назначением ("Предложение, содержащее все буквы используемого для данного языка алфавита"), хотя по своему содержанию оно совершенно не совпадает с английским предложением³⁶. Точно так же переводчики, работающие с немецким и итальянским языками, должны знать, что в Германии для передачи слова по буквам используют чаще всего личные имена, но согласно стандарту ФРГ *N* полагается обозначать словом *Nordpol* (а не *Norbert* или *Nikolaus*), а *K* — *Kaufmann* (но не *Karl* или *Konrad*); в Италии для тех же целей пользуются почти исключительно названиями итальянских городов (причем, согласно стандарту и традиции, — определенных, например, *Domodossola*, *Empoli*, *Imola*, а не *Duino*, *Enna*, *Imperia*).

4) Выражения типа *Piroten karulieren elatisch* переводятся, — в том, что касается их референтных отношений, заданных категориальной и синтаксической семантикой, — "нормально", т.е. через систему конкретно-языковых значений. Что же касается лишенных значения лексических единиц, то они подвергаются лишь морфологической и фонематической адаптации. Пример Карнапа так и переводится: англ. *Pirots karulize elatically*³⁷, итал. *I pirotti carulizzano elaticamente*, исп. *Los pirotes carulizan elaticamente*. Условием того, что смысл примера (его можно приближительно передать следующим образом: "Логический вывод обусловлен лишь категориальным и синтаксическим значением и не зависит от лексического значения") в целом сохраняется, является то, что адаптированные лексические единицы не связываются в данном языке с определенным лексическим значением. Впрочем, для итал. *elaticamente* и исп. *elaticamente* это может быть поставлено под сомнение³⁸.

6.1. А теперь вернемся к переводу слов *bread-and-butter* у Л. Кэрролла. Сложности при этом возникают от того, что мы имеем в данном случае дело со смешанным типом, когда одно выражение выполняет по крайней мере две функции одновременно: с одной стороны, речь явно идет об имитации бормотания, невнятной речи (что, впрочем, почти прямо выражено в тексте словами "kept repeating something in a whisper to herself"), с другой стороны, это бормотание передано не прямо, а через попытку интерпретации ("that sounded like..."), предпринятую в рамках языковой компетенции и знаний о мире, свойственных сообразительному [английскому] ребенку³⁹.

6.2.1. Первая функция, в ее абстрактном виде, могла бы быть передана в переводе с помощью формулы для имитации невнятной речи, такой, как нем. *Rhabarber*, итал. *rabarbaro* и т.п. Не говоря уже о том, что во многих языковых общностях просто нет подобных формул, такой перевод обладал бы двумя недостатками: во-первых, эти выражения связаны с той сферой употребления языка, которая не имеет отношения к контексту книги Л. Кэрролла (спеническая речь, причем имитируется обычно речь толпы или по крайней мере группы людей, а не одного человека); во-вторых, выражение типа *Rhabarber* даже там, где оно (как в немецкоязычной традиции) не ограничивается только этой сферой общения, не соответствует языковой компетенции ребенка и потому

³⁶ Более эффективный и метакоммуникативном смысле пример предложил В. Кауфман (Тюбингенский ун-т): *Vaß erwünscht jäh Xylophon, Querflöte und die ganze Musik*.

³⁷ Так у Карнапа в английском варианте его книги [19, с. 2], у других авторов вм. *karulize* употребляется также *carulate* [20, с. 101].

³⁸ В обоих этих языках эти формы (по крайней мере в сфере высокого, несколько архаизированного поэтического языка) возможны как слова, обладающие вполне понятным значением: это — регулярные наречия от прилагательных **elatico*, **elatico*, которые, в свою очередь, представляют собой вполне возможные производные от действительно существующего *elato*.

³⁹ Слово "английский" не случайно заключено в скобки, потому что в переводе ребенок вовсе не должен оставаться английским. В противном случае *bread-and-butter* можно было бы просто перевести как "bread-and-butter"!

не соотносится со второй функцией слов *bread-and-butter*⁴⁰. Таковы, помимо всего прочего, причины, по которым Л. Кэрролл использует не традиционную формулу *rhubarb-rhubarb*, а специально придуманную для этого случая имитационную формулу. По этой причине и при переводе следует действовать аналогичным образом (см. примеч. 34), причем так, чтобы найденное выражение соответствовало обеим функциям.

6.2.2. В процитированных нами переводах, как мы видели, этого не произошло: переводчики перевели слова *bread-and-butter*, исходя из их предметного значения (так, как интерпретировала услышанное Алиса!), и тем самым как бы "автоматически" отразили вторую функцию выражения, в то время как первую (и, собственно говоря, первичную) они отразили лишь непроизвольно (благодаря случайным качествам языковых форм) и частично. Так, немецкие слова перевода *Buttersemmel, Buttersemmel* лишь благодаря повтору *Butter* (и то случайно!) могут быть имитацией бормотания. *Butterbrot-Butterbrot* или даже *Brot-and-Butter*, по нашему мнению, точнее соответствовали бы английскому оригиналу; еще более нелепым, и потому более точно соответствующим контексту было бы, возможно, *Brombeeren-Brombeeren*. Французский перевод также соответствует имитационной функции лишь случайно и лишь частично (благодаря повторению *beurre*); несомненно лучше было бы *brioche au beurre, brioche au beurre*. Возможно, лучше (благодаря долготе *r* в *burro*), но также случайно подходит для подражания бормотанию итальянский перевод *pane-e-burro, pane-e-burro*; гораздо точнее в этом случае было бы, по нашему мнению, *broccoli con burro, broccoli con burro* (здесь достаточно ясно, что звукоподражание носит намеренный характер); *brioche con burro, brioche con burro* также вполне подошло в этом случае, поскольку слово *brioche* (с французским произношением) достаточно широко распространено и в Италии. Совершенно неприемлем испанский перевод *pan у mantequilla, pan у mantequilla*, который полностью исключает звукоподражательный момент. Однако найти в испанском языке такое выражение, которое обозначало бы что-либо съедобное и в то же время подходило бы для имитации бормотания, нелегко. Можно было бы предложить что-нибудь вроде *brevas-y-brunos, brevas-y-brunos*, или *butifarra, butifarra*, конечно; в случае, если эти названия плодов и этот регионализм (обозначающий бутерброд с ветчиной или с ветчиной и сыром) могут быть известны испанскому ребенку в возрасте Алисы. Для румынского же языка мы бы предложили *burduf-de-brinză, burduf-de-brinză* "корка сыра" или *brinză-de-Brăila, brinză-de-Brăila* "сыр браила".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Collins dictionary of the English language. L., 1979.
2. Collins COBUILD English language dictionary. London; Glasgow, 1987.
3. Collins-Robert: French-English, English-French dictionary. L.; P., 1985.
4. Portillo R., Casado J. Diccionario inglés-español, español-inglés de terminología teatral. Madrid, 1986.
5. Dictionary of American regional English. V. I. P. 368.
6. New international dictionary of the English language. Springfield (Mass.), 1953.
7. Gardner M. The annotated Alice. L., 1960. P. 245.
8. Sutherland R.D. Language and Lewis Carroll. The Hague; Paris, 1970.
9. Schmidt A. Shakespeare-Lexikon. Bd II. B., 1902.
10. Battisti C., Alessio G. Dizionario etimologico italiano. Firenze, 1954.
11. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern; München, 1959. S. 90ff.
12. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd 1—3. Heidelberg, 1954—1972.

⁴⁰ Нем. *Barbara* могло бы, правда, соответствовать и этой второй функции; однако, как имя собственное, оно должно бы было быть оправдано контекстом и не могло бы в этом случае (как имя известной личности) замещать "невыятное бормотание". Лишь рум. *barbă rara, barba rară* вполне отвечает второй функции, но не обозначает нечто съедобное.

13. *Boisacq E.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris; Heidelberg, 1923.
14. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. 1—4. P., 1968—1980.
15. *Skoda F.* Le redoublement expressif: Un universal linguistique. P. 1982.
16. *Corominas J.* Diccionario crítico-etimológico de la lengua castellana — V. 1—4. Madrid, 1954—1957.
17. *Bochenski I.M.* Formale Logik. 2. Aufl. Freiburg; München, 1962. S. 245 ff.
18. *Ruiz de Velasco E.* Antología de gazapos. Barcelona, 1986.
19. *Carnap R.* Logische Syntax der Sprache. 2. Aufl. Wien; New York, 1968.
20. *Carnap R.* The logical syntax of language. L., 1937.
21. *Sandulescu C.G.* The language of the devil (Texture and archetype in "Finnegans wake")
Buckinghamshire; Chester Springs, 1987.

Перевел с немецкого *Ромашко С.А.*